

Камила Левитан

Развод С предателем.

Ты оценил мою долю
в один рубль!

Камила Левитан

**Развод с предателем. Ты
оценил мою долю в один рубль!**

«Автор»

2026

Левитан К.

Развод с предателем. Ты оценил мою долю в один рубль! /

К. Левитан — «Автор», 2026

Я семь лет строила нашу компанию, выплачивала ипотеку и верила мужу больше, чем себе. А однажды ночью Артём скопировал мою подпись и оформил документы на передачу моего бизнеса другой женщине. Своей любовнице. Пока я готовила финансовые отчёты, они делили мои деньги, патенты и будущее. Муж собирался оставить меня без работы, объявить сумасшедшей и заставить подписать отказ от всего за один рубль. Но он совершил ошибку. Я нашла переписку. И сохранила доказательства. Теперь его любовница требует обещанную долю, инвесторы задают неудобные вопросы, а я готовлю ответный удар. Только на что способен предатель, когда понимает, что теряет всё?

© Левитан К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	18
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Камила Левитан

Развод с предателем. Ты оценил мою долю в один рубль!

Глава 1

Вечером окна нашего кабинета в «Москва-Сити» отражали столы сильнее, чем город. Я наклонила экран, чтобы видеть отчёт без наложенного на цифры собственного лица. Тридцать восьмой этаж, кондиционер гудит, за стеклом зажигается Москва. Цифры сходились. Квартальный отчёт можно было отправлять инвесторам. Артём наконец полетит в свой «важный деловой тур» по Сингапуру и не будет звонить мне из аэропорта с очередным вопросом о ликвидности.

В строке с ипотекой оставалось тридцать процентов. Семьдесят уже выплатили; я любила открывать этот расчёт после особенно паршивой недели. Стартап подходил к раунду А. Мы с Артёмом умели договариваться — о деньгах, отпуске, даже о том, кто первым сдаётся и моет посуду. Я считала это надёжностью. А потом рабочая папка не пустила меня внутрь.

Я щелкнула мышкой, пытаясь открыть папку «Юридические вопросы_Резерв», где лежал черновик для юристов. Экран мигнул красным уведомлением: «Access Denied». Ошибка доступа. Странно. У меня были полные права на финансовый архив. Но эту папку кто-то исключил из моего доступа. Артём?

— IT-отдел опять спит на работе, — пробормотала я себе под нос, чувствуя легкое раздражение. Это было привычное чувство: мир вокруг полон мелких неполадок, которые нужно починить. Я открыла консоль финансового архива и восстановила доступ через старый бэкенд, который ещё принимал мой ключ CFO. Пальцы скользили по клавиатуре уверенно, ритмично. Я любила этот процесс. Люблю порядок. Люблю, когда реальность соответствует моим ожиданиям.

Папка открылась. Внутри не было ни одного документа об инвестициях или налоговых декларациях. Только один файл. С темой письма, которая заставила мои пальцы замереть над клавиатурой: «Схема Б: раздел имущества. Черновик пакета документов».

Я перечитала тему, пропустив первое слово, потом вернулась к нему. Раздел имущества. Артём ведь шутил: делить нам придётся только пульт и сериалы. Я даже хмыкнула, будто он мог сейчас выглянуть из-за двери и сказать, что название файла — его идиотская шутка. Навела курсор на вложение. Нажать оказалось труднее, чем провести миллионный платёж.

Внутри лежал PDF-файл. На первой странице — сканированная копия моего паспорта. На следующей — согласие с моей подписью и печатью нотариуса. Дата — вчера. Время загрузки файла — три часа четырнадцать минут ночи.

Ночью я проснулась, потому что матрас прогнулся рядом. Артём лежал ко мне спиной. Я коснулась его плеча, он перевернулся, и я решила: нехорошо ему, надо дать выспаться. Свет не включала. Сейчас больше всего хотелось вернуться в ту минуту и включить. Не спасать его сон, не жалеть. Просто увидеть, что он делал с нашим планшетом.

А сейчас смотрела на документ, где моя подпись выглядела идеальной. Слишком идеальной. Она была сделана с копированием. Искусная подделка, но профессиональная. Внизу листа значилась графа «Согласие на безвозмездную передачу доли в уставном капитале ООО "ТехноПроект"».

Доля. Та самая, которую я выстрадала годами бессонных ночей, оптимизацией процессов и первыми клиентами. Моя доля. Подписанная мной же, пока я спала рядом с человеком, который считал её своей добычей.

Голова закружилась. Комната поплыла. Я схватилась за край стола, впившись ногтями в ламинат. Боль помогла сфокусироваться. Это не может быть правдой. Может, это взлом? Хакеры? Кто-то хочет дискредитировать компанию перед раундом инвестиций?

Я лихорадочно открыла историю логов входа в систему. IP-адрес устройства, с которого был загружен этот скан, совпадал с домашним Wi-Fi. Время активности: 03:14. Телефон Артёма в тот момент был в режиме «Не беспокоить», согласно данным синхронизации облака Apple. Он был дома. Рядом со мной. И использовал мой рабочий аккаунт, привязанный к нашему общему семейному планшету, который я оставила на тумбочке.

Нет. Не просто использовал. Он знал пароль. Пароль, который я никогда не меняла, потому что доверяла ему больше, чем себе. Доверяла настолько, что позволяла ему управлять доступом к личным кабинетам банков, считая это удобством для общего бюджета.

Я открыла скрытый мессенджер, встроенный в рабочий софт компании. Мы использовали его для быстрой связи с подрядчиками, но я почти не проверяла личные чаты сотрудников. Кроме администратора. Я имела право.

Переписка Артёма с неизвестным контактом, сохраненным как «Логистика»:

«Она подписала всё, что я подсовывал как отчеты по налогам и страховкам. Доля ушла. Готовь пакет на перевод прав на Марину.»

«Когда финал?»

«После отпуска в Сингапуре. Она уже параноит из-за контрагентов, будет сложно объяснить внезапное исчезновение активов, если она заметит раньше времени.»

Марина. PR-директор нашего главного конкурента. Женщина, с которой Артём встречался на всех отраслевых конференциях, смеясь над шутками, которые я не понимала. Женщина, чьи духи я чувствовала на его рубашках после командировок, объясняя это «плохой вентиляцией в отелях».

Это не развод. Это рейдерский захват собственной семьи.

Звук открывающейся двери заставил меня вздрогнуть так, что я чуть не свалилась со стула. Сердце колотилось где-то в горле, гулко и болезненно.

Артём вошел в кабинет. В руках два стакана кофе, пар поднимающийся вверх, мягкая улыбка, которая всегда обезоруживала меня быстрее любых аргументов. Его глаза блестели той самой харизмой, ради которой люди покупали билеты на наши презентации.

— Ты еще здесь, Вер? — спросил он, ставя стакан на стол. Запах латте с карамелью ударил в ноздри, вызывая тошноту. — Думал, ты уже уехала. Мы же договаривались, я буду ужинать в ресторане с партнерами, а ты отдохнешь.

Я резко свернула окно браузера. Клавиатура затрещала под пальцами. Я открыла таблицу Excel, заполненную цифрами, которые теперь казались мне абстрактными символами хаоса.

— Задержалась, — голос звучал чужим, хриплым. Я прокашлялась, заставляя себя говорить ровно, как CFO, а не как преданная жена. — Хотела проверить пару странных транзакций от субподрядчика из Азии. Перфекционизм, знаешь ли. Не могу оставить незакрытые хвосты перед твоим отлетом.

Артём прислонился к краю стола, скрестив руки на груди. Он смотрел на меня внимательно, оценивающе. Как на актив, который нужно пересчитать.

— Опять эти ваши проверки? — он усмехнулся, но в глазах не было тепла. — Вера, ты слишком много думаешь о мелочах. Компания растет. Рост — это всегда грязь. Если ты будешь вычищать каждый угол, мы никогда не дойдем до финиша. Тебе нужно расслабиться. Выспаться.

Он протянул руку и поправил прядь на моём виске. Я удержала голову неподвижно. Раньше от этого движения хотелось повернуться и прижаться к его ладони; теперь я следила за большим пальцем, лишь бы он скорее убрал его от лица. Улыбаться. Не отшатнуться. Он не должен догадаться, что я прочитала.

— Я стараюсь, — сказала я, заставляя себя улыбнуться. Улыбка получилась кривой, натянутой. — Просто цифры не сходятся в одном месте, и это бесит.

— Тогда дай мне разобраться, — он забрал у меня мышку, якобы помогая найти ошибку. Его пальцы коснулись моих. Теплые, уверенные. Те самые пальцы, которыми он мог вставить мою подпись в чужой документ. — Ты слишком напряжена. Это вредно для бизнеса. И для нас.

Он пролистал таблицу, ничего не найдя, и закрыл файл.

— Все чисто. Как всегда. Иди домой, отдыхай. Завтра важный день, тебе нужно быть в форме.

— Хорошо, — я взяла сумку. Руки дрожали так сильно, что молния на сумке никак не застегивалась. — Спасибо за кофе.

Артём вышел первым, придерживая дверь, пропуская меня в коридор. Его спина была широкой, прямой, спокойной. Он уже планировал свою победу. Он думал, что игра окончена, что шах и мат поставлен вчера ночью, пока я спала.

По коридору я шла медленнее обычного: каблук слишком громко стучали, и от каждого шага хотелось обернуться. Охранник у лифта кивнул. Я кивнула в ответ. Костюм цвета верблюжьей шерсти, сумка на локте — всё осталось на своих местах. Именно это и поражало. Он мог отнять мою долю, а я всё равно должна была приложить бейдж и пожелать охраннику доброго вечера.

У лифтов я дождалась, пока он уедет, и вернулась в кабинет. Заперла дверь на замок. Щелчок металла прозвучал как выстрел.

Я села обратно. Открыла папку с доказательствами. Фотографии переписки, сканы документов, логи входа. Всё это занимало всего несколько мегабайт. Несколько секунд копирования.

Я вытащила из сумки маленький черный флеш-накопитель, который всегда носила с собой, на всякий случай. «На всякий случай» превратилось в «абсолютно необходимо».

Курсор завис над кнопкой «Скачать все».

В памяти всплыло имя Марины. Получатель прав — каких именно? Доли ему было мало? Я снова открыла переписку. Ни слова о том, что останется мне или компании. Если он отдаст ей наши разработки, от дела всей моей жизни останется вывеска.

Я была не жертвой развода. Я была свидетелем крупного корпоративного мошенничества. И главным инструментом в этой схеме стала я сама.

Он подписал меня на собственное ограбление. Без меня эта схема не складывалась: мои права, мой паспорт, привычка не переспрашивать мужа. Я снова посмотрела на логи. На этот раз — не жена, ищущая оправдание, а человек, которому ещё предстоит удержать доступ к доказательствам.

Я кликнула правой кнопкой мыши. «Скачать».

Полоса загрузки поползла вперёд, медленно, неотвратно. 1%... 5%... 12%...

Глава 2

Пока шла загрузка, я придумала, как завтра улыбнусь ему. Спросит, выпалась ли, — отвечу: да. Скажет, что всё устроит, — поблагодарю. От мысли об этом стало противно, но я уже знала, ради чего стану врать. Пусть ещё немного считает меня удобной.

До сих пор я помогала ему искать ошибки. Теперь искала бы его собственные. Одна подпись, один перевод, один забытый лог — мне требовалось начать с того, что он уже не сможет объяснить случайностью.

Флешка мигнула зеленым светодиодом. Загрузка завершена.

Флешку я протолкнула под подкладку дальнего кармана сумки и проверила пальцами, не выпадет ли. Выключила компьютер. В тёмном экране отразилась я — с красным следом у виска, где недавно была его рука. Прижала туда ладонь. Слез пока не было. Было желание добраться домой и не дать ему увидеть этот след раньше, чем он исчезнет.

Завтра я начну новую работу. Назовем её проектом «Возмездие». Клиент — я сама. Срок сдачи — прежде, чем он заберёт всё.

Дверь квартиры щёлкнула за спиной. Артём бросил пиджак на стул, а я задержалась с одной снятой туфлей в руке. Ваниль. На его одежде пахло не «Aventus», который я покупала ему на годовщину три года назад. Я поднесла туфлю ближе, будто запах мог идти от неё. Нет. От пиджака. От женщины, с которой он провёл вечер.

— Тяжёлый день? — спросил он, подходя ближе. Рука легла мне на плечо. Я ощутила её вес и удержалась от движения в сторону стены. Он ждал ответа, разглядывая меня, и я знала, какая жалоба его устроит.

Я поставила туфли носками к стене. Поправила одну: стояла криво. Хотелось швырнуть её в него, а я добивалась идеального ряда возле его ботинок. Лишь бы он не спросил, отчего я застыла.

— Бухгалтерия контрагентов опять затягивает сверку, — ответила я ровным, скупающим голосом СФО, привыкшего считать секунды до дедлайнов. — Придётся догонять завтра. Голова гудит.

Артём усмехнулся и кивнул, как на совещании, когда наконец услышит удобный ответ. От этого стало даже легче: он принял мою скуку. Сейчас я могла говорить о сверке и дедлайнах, а не объяснять, почему мне противно стоять рядом.

Он достал из холодильника бутылку красного вина, которое мы держали «для гостей», и налил два бокала. Поставил один передо мной.

— Выпей. Тебе нужно расслабиться. Ты слишком много думаешь о работе, Вера. А жизнь проходит мимо.

Вино в бокале почти не пропускало свет. Я взяла его, понюхала и почувствовала, как сильно хочется выпить — сразу, без вкуса, чтобы хоть на час перестать думать о файле. Нельзя. После первого бокала я начну спрашивать. После второго расскажу ему всё, лишь бы он сказал, что я ошиблась. Поставила бокал обратно.

— Не могу, Тёма. У меня созвон с аудитором через двадцать минут. Тот самый, которого я просила найти для проверки серверов. Илья Демидов, помнишь? Он требует свежей головы для передачи данных по протоколу. Прости, сегодня без винишка.

Лицо Артёма на долю секунды исказилось. Имя «Илья» прозвучало для него как предупреждающий сигнал, хотя он и не знал всей правды. Он боялся внешних аудиторов, потому что знал, что там есть что прятать. Но он быстро натянул улыбку.

— Ладно, профессиональная этика. Поклонись ему от меня.

В этот момент он протянул мне стопку документов. Обычные операционные отчеты за неделю. Скучные таблицы, графики расходов. Но я знала: среди этих строк была ловушка.

Подпись здесь означала согласие с текущим состоянием дел, с распределением активов, которые он уже перекладывал на свои карточные счета.

— Подпиши, пожалуйста, прямо сейчас. Нужно отправить в банк до закрытия системы.

Он следил за ручкой, которую я взяла. Я заметила это и перестала читать страницу: взгляд задержится на опасной строке — и он поймёт. Потёрла висок. Мне требовалась убедительная причина отложить подпись, такая, за которую он вчера сам похвалил бы меня.

— Знаешь, Тёма... Цифры требуют свежего взгляда. Если я подпишу сейчас, на автомате, а потом найдут ошибку, будет шумиха. Давай утром? На холодную голову проверю каждую копейку. Ты же знаешь мой принцип: лучше опоздать на час, чем получить штраф за небрежность.

Артём забрал документы. В его глазах мелькнуло раздражение — он терял темп, — но он кивнул.

— Как скажешь, дорогая. Твой перфекционизм иногда сводит с ума.

Ночь прошла в тишине, которая давила на уши. Мы лежали в разных углах огромной кровати, разделенные километрами эмоционального расстояния и одной тонкой простынёй. Я лежала лицом к стене, считая своё дыхание, пока не услышала тихое вибрирующее жужжание на тумбочке справа. Свет экрана озарил профиль Артёма во сне. На дисплее высветилось имя контакта: «М».

Схватить телефон хотелось так, что я прижала ладонь к животу, пряча её под одеяло. Я должна была знать, что означает эта «М». Увидеть хоть одно сообщение, которое нельзя назвать рабочим. Но он спал неглубоко. Проснётся — и утром в телефоне уже ничего не останется. Экран погас. Я запомнила 02:14. Два часа четырнадцать. Повторяла про себя, пока не перестала слышать собственные зубы, стучащие от злости.

Утро началось с нарушения ритма. Артём обычно выходил из дома в 9:30, после моего кофе. Сегодня он торопил меня уже в 8:15.

— Быстрее, Вера. У меня встреча с инвесторами, нельзя опаздывать. Хватай сумку, я доведу тебя до офиса, а сам поеду дальше.

Он пытался увести меня из дома раньше обычного, избавиться от свидетеля своих утренних звонков Марине. Дом перестал быть крепостью, превратившись в зал ожидания.

Я молча оделась, застегнула плащ.

— Давай вместе, — сказала я, садясь на пассажирское сиденье его BMW. — Мне нужно заскочить в консалтинговую фирму на Садовой. Илья ждёт материалы для проверки. У него и поработаю. Ты меня высадишь по пути, а потом поедешь на свою встречу.

Артём помедлил. Офис консультантов был нейтральной территорией, но он не мог отказаться, не вызвав подозрений в своей «заботе».

— Ладно. Только недолго.

Из динамиков заиграла наша свадебная песня. Артём постукивал по рулю, попадал в ритм. Я помнила, где в этой мелодии он наступил мне на подол, а потом мы засмеялись и сбились с танца. Должна была улыбнуться ему сейчас. Так делала всегда. Он даже повернул ко мне голову на секунду, ожидая. Я посмотрела на панель управления.

Я посмотрела на его руки, сильные, уверенные. Воспоминания о той свадьбе теперь принадлежали только мне. Он фальсифицировал историю, используя её как оружие против меня.

Я молча протянула руку к панели управления мультимедиа и переключила трек. Музыка оборвалась. Вместо неё полился сухой, монотонный голос ведущего новостного подкаста: «...корпоративный скандал в секторе IT-стартапов привёл к отзыву лицензий...»

Артём покосился на меня.

— Зачем ты включила новости? Тут же такая красивая песня была.

— Мне нужно фоново слушать правовые изменения, — ответила я, глядя прямо в стекло, на серое утро Москвы. — Твои романы мешают концентрации.

Романтика умерла. Остался только факт.

Мы подъехали к бизнес-центру на Садовой. Артём высадил меня у главного входа, поцеловал в щёку — губы были холодными, механическими.

— До вечера, — сказал он, и машина уехала, оставляя меня одну на тротуаре.

Я миновала лифты и свернула в соседнее крыло здания, где располагался независимый офис консалтинговой фирмы. Секретарша на ресепшн узнала меня и молча пропустила.

Кабинет Ильи был маленьким, заваленным бумагами и серверами. Сам Илья, мужчина лет сорока с тяжелым взглядом бывшего следователя, уже ждал меня. Он не вставал, когда я вошла. Просто указал подбородком на стул.

— Здравствуйте, Вера Андреевна, — произнёс он низким, хриловатым голосом. — Я получил ваши доступы к архивам. То, что вы просили проверить, там.

Я села, чувствуя, как спина начинает болеть от напряжения последних суток.

— Что нашли?

Илья повернул монитор ко мне. На экране открылся PDF-документ.

— Мы ожидали увидеть переписку или финансовые махинации, связанные с выводом средств. Но ваш муж оказался более креативен. Вот это, — он выделил мышкой блок текста. — Договор дарения исключительных прав на программное обеспечение вашего стартапа.

Я прищурилась, читая. Получатель: ООО «Марина Групп». Дата подписания: прошлый месяц. Подпись Артёма стояла рядом с моей — вставленной как картинка. Фальшивая, грубая, но юридически опасная.

— Он не просто хочет развода, Вера, — тихо сказал Илья. — Развод — это прикрытие. Чтобы уйти красиво, оставив вас нищей. Его цель — украсть интеллектуальную собственность компании, которую вы построили своими руками, и передать её этой женщине. Марина — не просто любовница. Она — конечный пункт маршрута ваших денег и вашего труда.

Я задержалась на дате договора. Прошлый месяц. Пока я закрывала квартал, он уже оформлял, кому достанется наша работа. На мониторе она выглядела чужой — три слова в графе «получатель». Я подвинула стул ближе к столу Ильи. Плакать можно будет дома. Здесь я хотела увидеть следующую страницу.

Стеклянные двери «Москва-Сити» обычно пропускают меня без вопросов. Я — Вера, финансовый директор компании, которая арендует здесь три этажа. Но сегодня охранник в лобби посмотрел на мой бейдж так, будто я пыталась проскользнуть на чужую свадьбу с поддельным приглашением.

— Список финализирован, — отрезал он, даже не повышая голос. Холодная вежливость человека, который привык говорить «нет». — Инвесторы уже внутри. Партнёров нет.

Глава 3

Я намотала ремешок сумки на пальцы. Если повысить голос, охранник позовёт начальника, тот — Артёма. И тогда меня встретят уже не как финансового директора, а как жену, устроившую сцену в лобби. Я разжала руку и заговорила о том, чего они действительно боялись.

— Технический сбой в серверной, — произнесла я ровным, скучным тоном CFO, который обсуждает квартальные отчёты. — Доступ к базе данных заблокирован после обновления протоколов безопасности. Мне нужен прямой вход в переговорную зону для срочного аудита. Прямо сейчас. Или через десять минут ваш презентационный зал уйдёт в офлайн, и ваши инвесторы увидят пустой экран вместо стартапа за пять миллионов долларов.

Охранник заколебался. Страх перед потерей денег всегда сильнее правил пропусков. Он нажал кнопку на гарнитуре, шепнул что-то и кивнул мне.

— Проходите. Но только до конца презентации.

Турникет выпустил меня внутрь. Я почти привыкла проходить здесь, не замедляя шага, и теперь зацепилась сумкой за створку. Дёрнула ремешок, не оборачиваясь на охранника. В собственный офис меня только что пустили по уловке. Очень хотелось, чтобы он не видел, как у меня трясутся пальцы.

В зале было полно знакомых лиц. Все сидели так, будто никакой пропавшей из списка Веры не существовало. Кто-то обсуждал будущую оценку компании, кто-то берёт соседнее кресло для партнёра. Я прошла мимо, стараясь не искать глазами человека, который позовёт меня сесть рядом. Свободным оставался последний ряд.

Я села в последнем ряду, у самой стены. Руки дрожали, поэтому я достала планшет, открыла таблицу с расходами и начала имитировать работу. Цифры плыли перед глазами. Я не видела их. Я слышала смех из центра зала, чувствовала запах чужих духов, которые витали в воздухе, сладкий и навязчивый, как предупреждение о шторме.

Свет на сцене вспыхнул ярче. Артём вышел к микрофону. Он выглядел безупречно. Уверенная улыбка, расстёгнутый воротник рубашки — стиль «генерального директора, который знает цену свободе». Он говорил о будущем, об инновациях, о том, как важно иметь правильную команду. А затем боковая дверь зала открылась, и вышла она.

Марина.

Она шла к нему не как партнёр, а как хозяйка положения. Высокие каблуки стучали по полу ритмично, вызываясь. На ней было платье цвета шампанского, которое облегалo фигуру так, словно было второй кожей. И этот запах... Тот самый шлейф, который я ловила на воротнике его рубашки два дня назад. Тот самый аромат, который пробрался в нашу спальню, в нашу жизнь, в наши общие деньги.

Марина шла мимо моего ряда. Я разглядывала её лицо, а надо было смотреть на что-нибудь другое — хотя бы на ногти, чтобы не выдать, как меня мутит. Она заметила меня и не замедлилась. Хотелось схватить её за запястье и спросить, давно ли она решила, что всё это её. Я осталась сидеть. Пусть сначала скажет что-нибудь сама.

Артём взял её за талию перед всем залом. Я смотрела на его ладонь, на большой палец у шва платья. Так он держал меня на наших общих фотографиях. В зале захлопали, и я положила руки на планшет, чтобы случайно не присоединиться по привычке. «Запомни. Не уходи сейчас. Он ещё не закончил», — сказала я себе.

Началась сессия Q&A. Артём отвечал уверенно, но Марина стояла рядом, иногда перебивая его, добавляя комментарии с улыбкой, которая резала уши. Затем она взяла микрофон.

— Артём часто говорит о культуре прозрачности, — её голос был мягким, бархатистым, но слова были острыми иглами. — Однако некоторые участники процесса, особенно те, кто

отвечает за финансы, склонны к излишней секретности. Это создаёт токсичную атмосферу недоверия внутри команды. Как вы планируете менять подход к управлению персоналом?

Это был прямой удар. Намёк на меня. На мою паранойю, которую он так старательно раздувал перед коллегами. Шёпот в зале стал громче. Я видела, как люди переглядываются, кивают. Они верили ей. Она говорила то, что они хотели услышать: бизнес должен быть гибким, а не душным.

Артём повернулся ко мне. Его взгляд встретился с моим через весь зал. В нём читалась фальшивая жалость. «Ну вот, Вера, ты сама виновата. Ты их бесишь.»

Рука сама потянулась вверх. Я не думала. Я действовала на рефлексх CFO, который видит ошибку в отчётности.

— Вопрос, — мой голос прозвучал сухо, эхом разлетевшись по залу. Тишина повисла мгновенно. — Касательно юридической ответственности PR-директора. Вы упомянули «токсичную атмосферу» и «секретность». Согласно внутренним регламентам компании, любые комментарии о конфиденциальных процессах вне официальных каналов являются нарушением NDA. Будет ли компания инициировать проверку источников этих заявлений? Или мы должны понимать, что будущий партнёр по маркетингу считает распространение ложных сведений о текущем руководстве нормой деловой этики?

Марина остановилась с микрофоном у губ. Артём тоже молчал. Я успела испугаться: сейчас засмеются и он назовёт мой вопрос нелепым. Но кто-то в зале хмыкнул — не надо мной. Взгляды пошли обратно к сцене. Я опустила руку и наконец выдохнула. Ей предстояло отвечать; красивого платья для этого было мало.

Я оставила ладонь на планшете. Пальцы дрожали, и я прижала их к стеклу. Извиняться за вопрос не собиралась. Я ударила первой.

После презентации толпа рассосалась быстро. Люди спешили на другие встречи, в рестораны, в такси. Я осталась одна в коридоре лифта, ожидая, пока двери откроются. Артём появился там же, шагая к кабине с телефоном в руке.

Он остановился, увидев меня. Лицо стало каменным.

— Ты специально это сделала? — спросил он тихо, чтобы никто не услышал.

— Что именно? — я не отвела взгляда. — Защитила интересы компании? Или показала, что ты не контролируешь своих людей?

— Ты параноик, Вера, — прошипел он, оглядываясь на камеру видеонаблюдения в углу. — Ты хочешь разрушить всё, над чем мы работали годами. Из мести? Из зависти?

Его пальцы сжались в кулаки. Он хотел схватить меня, встряхнуть, заставить замолчать. Но камеры видели всё. Любая сцена здесь попадёт в сеть, в переписку с инвесторами. Он понимал это. Я тоже.

Двери лифта открылись с мягким звуком.

— Езжай домой, — сказал он, входя внутрь. — И прекрати копаться в чужих бумагах. Ты меня утомляешь.

Я сделала шаг назад, оставаясь в коридоре. Двери сомкнулись перед моим носом. Лифт уехал вниз. Я стояла, чувствуя, как слёзы жгут глаза, но не давая им упасть. Ни одной капли. Он не увидит моих слёз. Никогда больше не увидит.

Развернувшись, я направилась к выходу. В холле первого этажа, среди толпы спешащих людей, я случайно столкнулась с мужчиной. Высоким, в строгой серой куртке, с лицом, изреванным временем и опытом.

Он поймал меня за локоть, чтобы я не упала. Его хватка была крепкой, но аккуратной.

— Осторожно, — сказал он. Голос низкий, спокойный.

Я подняла глаза. Илья. Ещё утром я сидела у него в кабинете над поддельным договором. Здесь, среди людей Артёма, видеть его было неожиданно — и опасно.

Он смотрел на меня внимательно, сканируя бледность лица, дрожь в руках, пустоту в глазах.

— Вера Андреевна, вы в порядке?

— Да, — ответила я, отстраняясь. Инстинкт кричал: беги. Кто-нибудь мог заметить, что мы знакомы. Артём знал, что я наняла Илью для проверки серверов. Но он ещё не должен был узнать, какие документы я ему передала.

Илья не настаивал. Он протянул визитку, не называя нашу утреннюю встречу. Чёрную, матовую, с минимумом текста.

— Если цифры не сходятся, — сказал он, глядя мне прямо в душу, — я знаю, где искать правду. Иногда правда стоит дороже, чем молчание.

Я забрала визитку. Бумага была холодной на ощупь.

— Спасибо, — сказала я механически.

Он кивнул и растворился в толпе. Я стояла посреди холла, сжимая в кармане пальто кусочек картона, который мог стать моим спасением или моей смертью. Я уже доверила ему документы. Теперь, после зала, впервые захотелось довериться и страх. Опасный импульс. Но необходимый.

Выходя на улицу, я вдохнула морозный воздух Москвы. Он обжигал лёгкие, приводя в чувство. Автомобильная парковка «Москва-Сити» была полна дорогих машин. Я искала такси, чтобы уехать подальше отсюда, от этого места, где меня сделали невидимкой.

И тогда я увидела их.

Чёрное такси с тонированными стеклами подъехало к краю тротуара. Артём вышел первым, помогая Марине сесть внутрь. Она смеялась, запрокинув голову, касаясь его руки. Он садился следом.

Я замерла, прячась за колонной здания. Мой дом, наша ипотека, наши общие планы — всё это находилось в другом направлении. Наш обычный маршрут домой я узнавала по каждому повороту.

Такси тронулось. Медленно, плавно растворяясь в потоке машин. Оно не свернуло на нашу привычную дорогу. Оно не поехало к нам. Машина развернулась и двинулась в сторону Пресненской набережной, к элитным ЖК, где жили те, кому не нужно было экономить на свете.

Где-то там, в закрытых квартирах, были счета, о которых я не знала. Активы, которые он выводил, маскируя под «деловые поездки». Фотографии, которые хранились не в облаке, а на локальных серверах.

Они действовали синхронно. Не хаотично. Не как пара любовников, скрывающих страсть. Как партнёры по преступлению, согласующие детали сделки.

«Мёртвые счета» вдруг перестали быть загадкой, которую стыдно ещё раз поднимать на совещании. Я помнила, как Артём отмахивался: налоговая оптимизация, Вер, не мешай людям. И я уступала, чтобы не выглядеть занудой. Теперь хотелось принести ему каждую такую строку отдельно. Без крика. С просьбой объяснить, кому и за что он платил.

Я дождалась, пока такси исчезнет, и только тогда достала телефон. Визитка Илья мялась в кармане. Они уехали вдвоём, не обернувшись. Меня оставили у колонны с цифрами, которые я привыкла проверять до последней копейки. Почему-то именно сейчас я поняла, сколько работы они оставили мне против себя.

Глава 4

Свет в салоне BMW был тусклым, янтарным. Артём вёл машину, небрежно придерживая руль одной рукой, и от его позы веяло той самой наглой уверенностью, которая когда-то казалась мне надёжной скалой, а теперь напоминала змею, готовую к броску.

— Ты опять нервничаешь? — спросил он, не глядя на меня. Голос мягкий, почти жалостливый. Как у врача, объясняющего пациенту терминальную стадию с любовью.

Я вцепилась в сумку и следила за светофорами. Ещё красный — можно открыть дверь. Выйти, не объяснять, куда. А потом я представила его звонок: Вера опять сорвалась, пришлось бросить дела. Нет. Я должна доехать с ним и говорить как обычно.

— Просто голова разболелась, — прошептала я, опустив взгляд на свои колени.

Артём хмыкнул и протянул руку, чтобы включить музыку. В динамиках полилась какая-то томная джазовая композиция — знакомая, под которую мы обычно ужинали при свечах. Он хотел создать атмосферу примирения. Хотел, чтобы я расслабилась, забыла о своих «параноидальных» подозрениях и вернулась в роль послушной жены.

Музыка заполнила пространство, но я не слушала мелодию. Я сканировала тишину между нотами, ожидая звука уведомления. И вот оно. Тихий «дзынь».

Экран телефона Артёма, лежащего на центральной консоли, вспыхнул зеленым светом. Его реакция была мгновенной, почти рефлекторной. Пальцы метнулись к экрану, гася его одним быстрым движением.

— Спам от инвесторов, — бросил он, даже не посмотрев на меня. Говорил ровно, но я видела, как напряглись мышцы его шеи.

«Ложь.» Почему именно сейчас? И с подмигивающим смайликом, который я успела мельком увидеть перед тем, как экран погас.

Машина остановилась на красном. Тишина стала оглушающей. Я смотрела в окно, делая вид, что изучаю витрину ювелирного магазина напротив, но боковым зрением следила за ним. Артём машинально потянулся к зеркалу заднего вида. Кончиком пальца он аккуратно стер какую-то мелкую соринку со стекла.

Наши взгляды встретились в зеркале. Он не отвернулся. Я тоже удержалась, хотя всё внутри требовало проверить, что за след он стёр. Пятно? Волос? Или просто пыль? Мне было ненавистно, что даже соринка превращалась в вопрос, который нельзя задать собственному мужу.

Загорелся зелёный. Я повернулась к окну и провела пальцем по запотевшему краю стекла. Если всю дорогу следить за его руками, меня выдаст первый же резкий жест. Надо было дожждаться дома. Там он снимет пиджак.

Мы доехали без единого слова: он погрузился в свои мысли, я — в свои. Артём припарковался у подъезда, обошёл машину и открыл мне дверь — старый жест из тех, что он ещё не отменил. Я выбралась наружу и всю дорогу до лифта прикидывала, как выпросить у него пиджак, чтобы это не выглядело обыском.

Дверь квартиры закрылась за нами, отсекая шум города. Воздух в прихожей пах свежестью и дорогим парфюмом Артёма.

— Душ, прежде чем ужинать? — предложила я, стараясь говорить буднично, как всегда. — Ты весь день в машине, хочешь освежиться.

Артём сбросил пиджак, повесив его на спинку стула у входа. Ткань была дорогой, кашемир смешанный с шерстью, идеально сидящий на плечах.

— Давай позже, — ответил он, направляясь в гостиную. — Пиджак мятый, лучше повесить в шкаф целиком, пусть расправится. Не хочу, чтобы ткань деформировалась.

Он отказывался дать мне доступ к уликам. Или он действительно беспокоился о гардеробе? Или чувствовал, что я ищу что-то конкретное?

— Хорошо, — сказала я, беря пиджак со стула. — Отнесу в гладильную. Сейчас только переверну изнанкой наружу, чтобы проверить карманы, вдруг там чеки или ключи остались. Ты же знаешь, я перепроверяю всё перед стиркой.

Артём замер на пороге гостиной. Его глаза сузились. Секунда колебания. Если он сейчас запретит это сделать напрямую, это будет выглядеть слишком подозрительно для человека, который считает меня «просто уставшей женой».

— Ладно, — махнул он рукой, скрывая раздражение. — Только быстро.

Я взяла пиджак. Руки дрожали так сильно, что пришлось прижать ткань к груди, чтобы успокоить их. Подойдя к шкафу, я сделала вид, что проверяю внутреннюю отделку, но мои пальцы скользнули по лацкану с обратной стороны.

Там было пятно. Крошечное, незаметное для постороннего глаза, но очевидное для меня. Светло-бежевое. Оттенок тонального крема «NARS», оттенок 30. Тот самый, который, как я видела в соцсетях Марины, она использовала каждый день. Тот самый, который не входит в мой набор косметики уже три года.

Это не запах. Это биологическая метка. Другая женщина сидела рядом с ним. Касалась его. Была здесь, в нашем пространстве, пока я считала цифры в таблице Excel.

Тошнота подкатила к горлу, горячая и кислая. Я сглотнула, пряча пиджак в шкаф и закрывая дверцу с глухим щелчком. Теперь доказательств достаточно, чтобы предъявить иск за развод и за моральный ущерб, если бы суды принимали такие аргументы. Но мне нужны не деньги, полученные жалостью. Мне нужна его кожа.

Я ещё раз задвинула пиджак поглубже в шкаф, чтобы он не висел на виду, и по пути на кухню умыла руки, глядя, как вода смывает с пальцев остатки бежевой пылицы. В зеркале улыбка получилась почти естественной. Достаточно для ужина.

Ужин был пыткой. Стейк на тарелке остывал, соус загустевал. Артём ел с аппетитом, рассказывая о переговорах.

— Марина сегодня была крайне полезна, — говорил он, жуя мясо. — Её связи в медиа-секторе помогут нам выйти на новый рынок. Приходится терпеть её специфический характер ради бизнеса. Она, конечно, немного... навязчивая, но профессионализм перевешивает.

Он ждал моей реакции. Ждал одобрения. Ждал, что я скажу: «Как здорово, что ты нашел такого партнера». Вместо этого я молча резала кусочек мяса, сосредоточенно глядя на нож.

— Цифры по рекламному бюджету за квартал готовы? — спросила я ровным голосом CFO.

Артём отложил вилку. Звон металла о фарфор прозвучал как выстрел.

— Вера, — произнес он тяжело. — Мы говорим о стратегических вещах, о будущем компании, а ты считаешь копейки. Ты снова превращаешься в калькулятор. Где твоя поддержка? Где твоя женская интуиция? Я работаю ради нашего общего будущего, а ты встречаешь меня холодом.

Я подняла на него глаза. Он требовал моей поддержки, пока я всё ещё видела в голове чужое имя рядом с нашей долей. Мне захотелось перечислить вслух, что именно я сегодня оплатила, проверила, спасла от штрафа. Он назвал бы это мелочностью. Поэтому я ответила коротко.

— Я поддерживаю тебя финансово, — ответила я, снова опуская взгляд к тарелке. — Это моя работа. Моя любовь выражается в безопасности наших активов. Разве этого мало?

— Мало! — он повысил голос, затем резко замолчал, понимая, что теряет контроль. — Извини. Устал. Голова болит.

Он поднялся, забрал свою тарелку и направился на кухню. Я осталась сидеть, чувствуя, как пульс отдается в висках. Безопасность активов. Он смеется надо мной. Активы уже уходят.

Я собрала посуду и стала мыть за обоих, хотя обычно оставляла тарелки до утра. Вода успокаивала: ладони перестали дрожать. Когда за спиной щёлкнула балконная дверь, я даже не обернулась — только налила воды и принялась медленно протирать стол.

Через двадцать минут я услышала скрип балконной двери. Артём вышел на воздух, курить или звонить. Я оставила посуду в раковине, медленно протирала стол, прислушиваясь.

Кухонное окно выходило прямо на наш маленький балкон. Шторы были слегка приоткрыты. Я подошла ближе, не включая свет в кухне, чтобы оставаться в тени.

Голос Артёма долетел до меня отчетливо. Он говорил шепотом, но этот шепот резал уши сильнее крика.

— ...она уже почти согласилась на раздел, — слышалось в трубке. Голос был нежным, почти ласковым. Таким, каким он разговаривал со мной в первый год брака. — Бумаги подготовлены. Осталось только подписать. Ты будешь следующей в очереди на долю, Марин. Не волнуйся, патенты перейдут через твою фирму. Старик будет счастлив продать ей «пустую оболочку», а мы получим реальные активы.

Меня затошнило. «Старик?» Так он называл моего отца, который инвестировал в стартап на этапе идеи? Так он называл людей, которых любил?

Она не просто любовница. Она соучастник. Они планируют ограбить нас вдвоем, используя мою доверчивость как инструмент вскрытия сейфа.

Я отступила от окна и опёрлась на столешницу обеими руками. Хотелось схватить телефон, но слова уже прозвучали — второй раз он их для записи не повторит. Я проговорила про себя: «Пустая оболочка». «Старик». Так он называл моего отца. Эти два слова я не должна была перепутать, когда буду рассказывать Илье.

Остаток вечера мы провели на разных концах квартиры: он смотрел новости, я раскладывала по полочкам то, что ещё вчера казалось нашей жизнью. Ложиться пришлось в обычное время — иначе он бы спросил, отчего я не сплю.

Ночь была тихой. Артём вернулся с балкона, умылся, лег в кровать. Я лежала спиной к нему, натянув одеяло до подбородка.

Его рука легла на мою талию. Тепло тела, запах шампуня с мятой и чем-то еще... сладким, цветочным. Чужим.

— Спи, родная, — прошептал он, целуя меня в затылок. Губы были влажными, теплыми.

Я должна была отвернуться. Должна была сказать: «Не трогай меня». Но тогда легенда рухнет. Тогда он поймет, что я знаю. А мне нужно время. Нужно собрать все документы. Нужно найти тех юристов, которые смогут доказать подлог подписи в архиве почты.

Поэтому я расслабилась. Позволила себе быть слабой в его руках. Почувствовала, как его пальцы скользнули по моему боку, и внутри все заledenело, хотя снаружи я лежала неподвижно.

На его запястье были три красных царапины. Я видела их утром, но тогда приняла объяснение про бумаги. Теперь рассматривала края каждой, стараясь не шевелиться. Хотелось отодвинуть его руку от талии. Он почувствует. Я медленно выдохнула, как будто уже засыпала.

— Порезался бумагами в офисе, — сказал он утром, показывая эти же места.

Но бумаги не оставляют таких глубоких, рваных следов. Бумаги не делают таких аккуратных бороздок. Это были ногти. Женские, длинные, с маникюром.

Осознание ударило с силой кулака в живот. Эти царапины я заметила ещё утром. С кем он был накануне? Я вспомнила Марину у него под рукой на сцене. Представила её здесь, в нашей постели, — и тут же стиснула зубы. Пока я не знала, где именно они встречались.

Он привозил её запах домой, ложился рядом со мной и играл в жертву обстоятельств. Этого уже хватало, чтобы не выдержать его прикосновения.

Я закрыла глаза, чувствуя запах его кожи, смешанный с чужим парфюмом. Если я сейчас открою рот, чтобы кричать, он скажет, что я сумасшедшая. Что у меня истерика. Что я вредю бизнесу.

Поэтому я изобразила сонную улыбку. Крепче прижалась к предателю, чувствуя, как его сердце бьется ровно и спокойно. И начала считать дни до суда. Считала удары его сердца, лишь бы не считать, сколько ночей я ещё должна выдержать рядом с ним.

Глава 5

Илья закрыл дверь кабинета и взглянул на флешку в моей руке раньше, чем на меня. За его спиной гудели серверы, на столе остывал кофе. Фольга на окнах не оставляла ни кусочка дневной Москвы. Здесь нельзя было притвориться, что я зашла обсудить обычный квартальный аудит. Wi-Fi и выхода в глобальную сеть не было; принесённое мной он собирался смотреть на изолированных машинах.

— Флешку на стол. И руки подними, чтобы я видел, что ты не держишь там мини-сканер, — бросил он сухо, даже не повернувшись к экрану.

Я молча положила носитель на холодную металлическую поверхность стола. Мои пальцы немного дрожали, но я заставила себя распрямить плечи.

— Многие жены приходят сюда с истериками, Вера, — продолжил он, наконец отрывая взгляд от монитора. Его голос был низким, хрипловатым, как скрежет наждачной бумаги по дереву. — Они плачут, требуют справедливости, а потом уходят ни с чем, потому что их мужья уже обнулили счета. Ты из тех, кто будет ныть? Или ты CFO, который умеет считать деньги чужих ошибок?

Я не стала оправдываться. Вместо этого я достала из сумки стопку распечаток. Сухие листы бумаги легли перед ним с глухим шлепком.

— Транзакции по кредитной карте Марины, — сказала я ровным тоном. — Пять «деловых ужинов» в ресторанах, которые она никогда не посещала с клиентами. И расшифровка переписки из мессенджера, встроенного в рабочий софт компании Артёма. Ключ лежал в черновике договора о поставке оборудования, который я нашла три дня назад. Он был в открытом доступе для администраторов, включая меня.

Илья взял первый лист. Пробежал глазами. Потом второй. Третий. Его лицо оставалось непроницаемым, но я заметила, как чуть дрогнула его челюсть. Он перестал проверять меня на вменяемость. Теперь он проверял данные.

— Подстава с паспортом — это лишь верхушка айсберга, — произнес он после долгой паузы, откладывая бумагу. — Посмотри вот сюда. Логи сервера. За три дня до командировки Артёма кто-то удалил резервные копии баз данных клиентов. Аккаунт администратора. У тебя есть права СТО?

— Нет, — ответила я честно. Права на корневой доступ были у Артёма и двух разработчиков, которых он лично нанимал и контролировал. Я была только финансовым директором. Моя власть заканчивалась там, где начиналась цифра в графе «Расходы».

— Тогда мы в тупике, — Илья откинулся в кресле, скрестив руки на груди. — Без исходников и логов доступа мы не сможем доказать, что удаление было злонамеренным. Это может выглядеть как техническая ошибка. А Артём скажет, что ты параноидальна и пытаешься навредить репутации компании своими «расследованиями».

Мне пришлось убрать руки со стола: ещё немного — и я стукнула бы по нему. Я принесла документы, а он снова говорил о паранойе. Артём тоже любил это слово. От Ильи хотелось другого — пусть скажет, чего именно не хватает, и перестанет проверять, достойна ли я помощи.

— У меня нет прав администратора репозитория, — медленно проговорила я, глядя ему прямо в глаза. — Но у меня есть физический доступ к офису. И у меня есть пароли от рабочего ноутбука Артёма. Он оставил его дома, будучи уверенным в моей лояльности. Он считает меня глупой женой, которая верит каждому его слову. Если я принесу ноутбук сюда, ты сможешь взломать его за час?

Илья несколько секунд не отвечал. Я не знала, заинтересовал его ноутбук или то, что я наконец предложила сделать что-то сама. Зато он перестал откидываться в кресле. Подвинулся к столу. Я удержала взгляд, хотя от собственной идеи уже начинали потеть ладони.

— Рискованно, — сказал он тихо. — Если Артём заметит подозрительную активность в системе, он активирует «кнопку паники». Удалит всё. И обвинит тебя в промышленном шпионаже. Тебе грозит срок, Вера. Не развод. Срок.

— Я не прошу тебя красть новые данные, — возразила я. — Я прошу тебя найти дыру. Посмотри вот этот файл.

Я протянула ему распечатку патентного приложения. Название звучало скучно: «Алгоритм рекомендательной системы для e-commerce». Но суть была в другом. Заявителем выступала фирма «ТехноСфера», зарегистрированная месяц назад. Учредителем числилась мать Марины.

— Это кража? — спросила я, склонив голову набок. — Или это доказательство мошенничества и вывода интеллектуальной собственности через подставных лиц?

Илья взял документ. Его пальцы скользнули по тексту, остановившись на номере заявки. Он быстро набрал запрос в локальной базе данных (без интернета, только архивы). Через минуту он поднял голову, и его лицо исказилось от ярости.

— В приложении повторяются те же ошибки в коде, что и в прежней заявке вашей компании, — прошипел он. — Артём украл вашу общую работу. Он внес изменения в ядро движка и подал заявку через фирму её матери. Это рейдерство. Чистое, классическое.

Но радость победы была краткой.

— Проблема в том, что чтобы доказать авторство, нам нужен исходный код с датами коммитов, — продолжил Илья, постукивая пальцем по столу. — Git-репозиторий закрыт. Доступ туда имеет только Артём и два разработчика. Дима и Саша. Они лояльны ему. Их купили обещаниями опционов и высокими зарплатами.

Я вспомнила недавний разговор в лифте офиса. Дима жаловался мне на невыплаченные бонусы за третий квартал. Артём обещал ему долю, но не оформил документы. Лояльность команды — это иллюзия, построенная на деньгах, которых у Артёма скоро не будет.

— Мы можем завербовать одного из них, — предложил Илья, видя мою задумчивость. — Но это путь к провалу. Следствие по делу о махинациях начнется с допроса свидетелей. Артём узнает первым.

— Нет, — я покачала головой. — Я не буду просить Диму. Мне нужна копия раньше, чем Артём начнёт менять права. Автоматический дампы при удалении — можем так?

— Без доступа к репозиторию — нет. И ловушку на чужой сервер я ставить не буду. Ищи то, что уже передавали тебе по работе.

Я вспомнила акты приёмки релизов. Без приложения с исходниками я не разрешала ставить разработку на баланс. Дима ворчал, но выгружал в финансовый архив пакет с историей изменений.

— Последний оплаченный релиз. Он старше заявки «ТехноСферы». Мой ключ СФО должен открыть приложение.

— Тогда забирай весь пакет, с журналом выгрузки. Не отдельный кусок кода. Я сверю историю с патентом.

Он смотрел долго. Мне захотелось дополнить предложение, объяснить, почему я справлюсь, — и я прикусила язык. Я уже слишком часто доказывала мужчинам, что умею выполнять свою работу. Сейчас он мог либо взяться за задачу, либо вернуть мне флешку.

— Ты хочешь сделать это тихо? — уточнил он.

— Хочу сделать это безупречно.

Он согласился помочь, но выдвинул условие. Ему нужно видеть лицо Марины. Не фото, не профиль в соцсетях. Живого человека.

— Такие схемы редко имеют один центр, — объяснил Илья, убирая мои распечатки в сейф. — Часто за спиной PR-директора стоят «серые кардиналы» — инвесторы, кото-

рые финансируют враждебное поглощение. Мне нужно понять масштаб угрозы. Кто платит Марине?

Сидеть за столом с Мариной и улыбаться. Я представила, как она отставит чашку и спросит что-нибудь про Артёма, используя то домашнее имя, которое я ещё не слышала от неё. Лучше уж иметь с ней дело при людях. У нас будет причина встретиться: финансовому директору нужны условия совместного проекта.

— Я назначу встречу, — сказала я. — Обсуждение совместных проектов. Как бы абсурдно это ни звучало, мы можем использовать роль финансового директора для нейтральной территории. Кафе рядом с бизнес-центром. Много людей, шум, возможность скрытой записи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.